

ФИЛОСОФИЯ СПОРА И СПОР В ФИЛОСОФИИ

О.Г. Садикова

Московский государственный университет путей сообщения

Поступила в редакцию 23 апреля 2008 г.

Аннотация: Основная цель данной статьи — рассмотреть те необходимые условия философского спора, без которых он не может быть продуктивным. Для этого автор подробно разбирает возможности спора между сторонниками двух основных стилей мышления — диалектического и метафизического, — показывая бессмысленность спора между философами, по-разному трактующими законы мышления и понятие «противоречие». В заключении автор касается и практики спора между представителями различных этических концепций.

Ключевые слова: философия спора, противоречие диалектическое, противоречие метафизическое, практика спора, понимание истины, однопорядковые и разнопорядковые системы.

Abstract: The main purpose of this article is to consider the necessary conditions of the philosophical dispute, the lack of which makes it unproductive. To do this, the author analyzes the possibility of a dispute between supporters of the two major styles of thinking in high detail, that is dialectical and metaphysical. This way the author shows the senselessness of the dispute between philosophers having different understandings of thinking and the notion of the «contradiction» term. Finally, the author refers to the practice of a dispute between members of different ethical concepts.

Key words: philosophy of the dispute, the practice of the dispute, understanding the truth, dialectical contradiction, metaphysical contradiction, epistemology

Цель данной статьи — рассмотреть основные принципы спора, то есть те необходимые условия, при которых он может стать осмысленным и плодотворным. Главное внимание мы уделим философскому спору, как спору мировоззрений, основанному на определенных теоретических предпосылках, среди которых ведущую роль занимают диалектические и метафизические стили мышления.

ТЕОРИЯ ФИЛОСОФСКОГО СПОРА

Если сказать, что любой философский спор — это спор об истине, то данная фраза прозвучит как банальность. Однако стоит задуматься глубже, как любая банальность оборачивается нетривиальной проблемой. Будем понимать истину как соответствие наших знаний действительности, а говоря о системе знаний в целом, как ее логическую непротиворечивость. Никакой проблемы не возникает в том случае, когда спор ведется между однопорядковыми системами, в которых сама процедура установления данного соответствия или данной непротиворечивости понимается одина-

ково и основана на одних и тех же законах и правилах вывода. Нет и не может быть «чистых» фактов, но всегда есть какая-то их интерпретация. Следовательно, если иметь в виду спор о том, что есть сама истина, а не спор об истинности каких-то фактов или концепций, то это будет спор о том, как именно установить соответствие действительности и непротиворечивость. Истина вообще может пониматься в платоновско-гуссерлианском смысле как некая идеальная сущность внешнего мира, а не как свойство наших знаний о нем. В этом случае ее критерием может быть или «чувство непосредственной достоверности», или «узнавание» и «вспоминание». Но при любом варианте процедура установления того, «что есть истина», будет являться диалектической или метафизической — «интуитивно ясным» для диалектика и метафизика будет нечто иное.

Рассмотрим первый случай — это спор между однопорядковыми системами — диалектическими или метафизическими.

* * *

Основное условие любого спора — это наличие явного или неявного противоречия. Всегда сущес-

твуют два варианта: во-первых, когда один из спорящих опровергает систему взглядом своего противника, ничего ей не противопоставляя. Он может доказывать неистинность постулатов, указывая противоречащие им факты, или может выводить из данных постулатов следствия, противоречащие истине. Но спор может вестись и по аргументам, приводимым в доказательство тезисов данной системы, с тем чтобы выявить их ложность. Наконец, спор может вестись и по внутренним достоинствам данной системы, выявляя противоречия или ошибки в применении правил вывода.

Все многообразие данных вариантов подробно описано в учебниках логики и работах, посвященных спору (например, А. Шопенгауэр «Эристика как искусство спора» или С. Поварнин «Искусство спора»). Если система выдержит все испытания спора, то она докажет свою истинность; если нет, то необходим второй вариант — это противопоставление ей другой системы, преодолевающей недостатки данной. Особенно любопытные варианты возникают в следующих случаях:

1) когда между двумя метафизическими системами имеется формально-логическое противоречие. В этом случае спор заключается в опровержении одной из них и признании истинности другой. Это опровержение приходит либо из внутренней противоречивости, либо из ложности постулатов;

2) когда между двумя метафизическими системами имеется диалектическое противоречие, которое они отрицают, поскольку в формально-логических системах не существует критерия отличия двух типов противоречий. Здесь возникает замкнутый круг вечного спора, ибо с диалектическим противоречием невозможно справиться формально-логическими методами, т. е. попросту отбрасывая одну из сторон. Поскольку метафизические системы не признают диалектических средств оперирования с диалектическими противоречиями, постольку данный вид спора принципиально неразрешим;

3) когда между двумя диалектическими системами возникает формально-логическое противоречие. Здесь, как и в первом случае, спор заключается в признании истиной только одной из них. Диалектика, естественно, признает все законы и методы формальной логики, касающиеся тех противоречий, которые не являются диалектическими;

4) когда противоречие между диалектическими системами тоже является диалектическим, то и спор должен решаться соответствующими методами — или синтезом этих систем, или включением

одну в другую в «снятом» виде, т. е. когда законы включаемой системы не будут играть главную роль.

Разумеется, что для всех этих случаев возможен спор между однопорядковыми системами по постулатам, аргументам и правильности применения правил вывода, поскольку истинность всех этих составляющих в таких системах понимается одинаково.

* * *

Самое интересное в теории спора возникает тогда, когда у спорящих существует различие в понимании самих законов мышления, а также того, по каким законам можно установить истинность или ложность, противоречивость или непротиворечивость.

В случае двужначной или многозначной логики законы мышления понимаются различно, но спора не возникает, поскольку между ними нет противоречия. То, что может утверждаться в многозначных логиках, запрещено к утверждению в двужначной, поскольку она более бедна языковыми средствами. Поэтому отношение между двумя этими типами логик — это отношение включения, когда менее богатая средствами выражения включается в более богатую. Не может быть спора и цветного или черно-белого восприятия мира, поскольку здесь отсутствует противоречие.

Теперь мы можем перейти к нашему основному вопросу — о споре между диалектическими и метафизическими стилями мышления. Здесь мы наблюдаем следующую картину — если многозначная логика (исходя из формальной, как своего предельного случая) распространяет свои принципы на бесконечно обширную сферу частично истинных и частично ложных высказываний, то диалектическая, напротив, сужает сферу действия формальной, исключая из нее одну-единственную область — область диалектических противоречий. Только в отношении этих противоречий, которые существуют объективно, являются выражением сущности, источником развития и не являются результатом нарушения законов формальной логики, диалектика отрицает сферу действия закона противоречия, утверждая, что в отношении данных противоречий можно одновременно высказывать противоположные суждения.

Самое главное это то, что для формальной логики диалектические противоречия не отличаются от бесконечного множества всех остальных, поскольку у нее нет содержательного критерия для их выявления. Однако поскольку именно эти проти-

воречия являются выражением наиболее важных философских проблем, постольку именно вокруг них ведутся наиболее ожесточенные споры.

Но как же может вестись такой спор, если диалектика и метафизика по-разному понимают сами законы мышления? Первый ответ мы уже дали — исходя из несовершенств и противоречий, согласно критериям самой критикуемой системы. Нельзя отвергать диалектический синтез, утверждая на основании формально-логического закона противоречия бессмысленность самих диалектических противоречий, как это делает К. Поппер в статье «Что такое диалектика?». Но нельзя производить и обратную процедуру — т. е. на основании закона единства и борьбы противоположностей опровергать метафизические системы, основанные на законе формально-логического противоречия.

Это, однако, простейший вариант. Но как быть, если обе системы, исходя из собственных критериев, построены безупречно? Можно было бы спорить, если бы имелось противоречие — но какое?

Если мы признаем, что между диалектикой и метафизикой существует формально-логическое противоречие, то спор становится невозможен из-за вышеупомянутой причины — одна система должна быть ложной, другая — истинной, но критерии истинности у каждой из систем свои. Поэтому невозможно спорить ни об истинности постулатов, ни об истинности аргументов, не говоря уже о правилах вывода, которые тоже являются различными.

Например, для того же Поппера истинным является то, что для двух суждений, не связанных ничем, кроме союза «и» («в пятницу будет дождь» и «в субботу будет хорошая погода»), выполняется соотношение, аналогичное формально-логическому закону обратного отношения между объемом и содержанием понятия, — т. е. чем большую информацию они несут, тем менее вероятны. Но стоит объединить в одно диалектическое суждение то, что связано между собой в действительности: «человек — существо свободное» и «человек — существо необходимое», как мы увидим (если будем стоять на диалектических позициях), что при большем информационном содержании мы получили и большую вероятность. Однако ни тот, ни другой случай не опровергают друг друга.

Если мы признаем противоречие между диалектикой и метафизикой диалектическим, то спор окажется ненужным, ибо в таком случае он просто сведется к способу разрешения диалектического противоречия. При отсутствии всякого движения или развития диалектические положения переходят

в метафизические как свои предельные случаи. Так, диалектическое утверждение и отрицание одновременной истинности и ложности двух суждений, высказанных о движущемся теле: «тело находится в данном месте» и «тело не находится в данном месте» переходит в формально-логическое, при котором истинно что-то одно, когда тело неподвижно.

Этот вариант, кстати, имел в виду и Гегель, когда сравнивал свою систему с системой Спинозы: «истинная система не может поэтому находиться к ней в таком отношении, что она лишь противоположна последней; ибо в таком случае эта противоположная система сама была бы односторонней. Напротив, как более высокая, она должна содержать в себе низшую. Далее, опровержение не должно приходить извне, т. е. не должно исходить из допущений, лежащих вне опровергаемой системы, допущений, которым последняя не соответствует. В этом случае опровергаемой системе нужно только не признавать этих допущений; недостаток есть недостаток лишь для того, кто исходит из основанных на них потребностей и требований... Истинное опровержение должно вникнуть в сильную сторону противника и стать в диапазоне этой силы; нападать же на него вне этой сферы и одерживать над ним верх там, где его нет, не помогает делу. Единственное опровержение спинозизма может поэтому состоять лишь в том, что его точка зрения признается, во-первых, существенной и необходимой, но что, во-вторых, эта точка зрения, исходя из нее же самой, поднимается на уровень более высокой точки зрения» [1, 9—10].

Получается любопытная вещь — в одном случае спор невозможен, в другом — не нужен. Данная ситуация очень похожа на ту, которую описал Секст Эмпирик [11, 147], рассматривая проблему критерия постигающего и непостигающего представления. Поскольку существуют только два этих вида представлений, постольку сам критерий их различения тоже будет представлением — постигающим или непостигающим. Но если он будет непостигающим, то получится нелепость — с помощью непостигающего представления мы будем оценивать постигающее. Если же критерием будет постигающее представление, то и это нелепо: а) ввиду того, что с его помощью мы должны будем судить о нем самом; б) в силу того, что о постигаемости самого постигающего представления как критерия мы должны будем судить с помощью другого постигающего представления — и так до бесконечности.

Интересный получается вывод — чтобы судить об истинности диалектики или метафизики, сам критерий истинности не должен быть ни диалектическим, ни метафизическим, но каким-то третьим, преодолевающим односторонность и противоположность того и другого. Это наводит на мысль о существовании какой-то неизвестной пока системы мышления, способной преодолеть ограниченность ныне существующих. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. «В самом деле, с какой стати все наши рассуждения, о чем бы мы не рассуждали, должны управляться одними и теми же законами? Для этого нет никаких оснований. Удивительным, наоборот, было бы, если бы логика была единственной» [4, 11]. Данная проблема не относится к теме нашей статьи, хотя нам кажется, что таким стилем мышления могла бы стать герменевтика.

То, что одна система не может опровергнуть другую, исходя из собственных критериев истинности, является необходимым условием плюрализма, который в противном случае вообще был бы невозможен. И разговоры о единственности истины не должны подменяться разговорами о единственности метода для ее отыскания.

По этому поводу Поппер писал следующее: «В сравнении следствий различных теорий (или, если угодно, различных социальных каркасов) и попытках обнаружить, какие из конкурирующих теорий или каркасов имеют предпочтительные для нас следствия, и заключается наиболее плодотворный метод спора между максимально различными концепциями» [6, 592]. Однако и в этом случае возникает проблема критериев предпочтительности, если только не понимать под ними практическую потребность.

Рассмотрев все эти трудности, мы легко убедимся в том, что, несмотря на вроде бы теоретическую бессмысленность спора между разнопорядковыми системами, эти споры не только ведутся самым ожесточенным способом, но и оказываются весьма плодотворными для обоих стилей мышления. В чем же дело?

ПРАКТИКА ФИЛОСОФСКОГО СПОРА

Во-первых, диалектика и метафизика теснейшим образом связаны друг с другом, как могут быть связаны фундамент здания и верхние этажи. Действительно, метатеория построения и многозначных логик, и логики диалектической одна и та же — это классическая двузначная логика. Ни в какой диалектической системе нельзя утверждать наличие диалектического противоречия и одновременно

отрицать это. При отсутствии тех допущений, которые есть у многозначной и диалектической логик и благодаря которым они строят собственные системы, мы вновь возвращаемся в лоно формальной логики, не признающей этих самых допущений. И все это является совершенно естественным, поскольку новые системы мышления возникают отнюдь не как «продукт свободной игры воображения», но в попытках увеличить арсенал средств для решения каких-то проблем, которые или отрицаются формальной логикой, или решаются ею неудовлетворительно.

Но, признавая все это, мы вновь возвращаемся все к той же неустранимой проблеме — как доказать, что данная система более успешно решает проблемы, чем предыдущая, — ведь критерий истинности у них различный? Здесь не спасает и наличие третьей системы с синтетическим критерием истинности, ибо для проверки истинности этого критерия нужен будет еще один критерий — и так до бесконечности. Под критерием истинности мы в данном случае понимаем соответствие действительности, а не логическую непротиворечивость, которая у каждой системы своя.

Исходя из этого, нас не удивит довольно естественный вывод, что установить соответствие действительности невозможно без обращения к самой действительности, т. е. без практической проверки. Диалектическая логика точно так же в состоянии делать однозначные выводы о наличии и неустранимости диалектических противоречий (реально существующих, но противоположных сторон какого-либо предмета или явления), как формальная логика — о наличии только одной такой стороны. Так что вопрос об истинности их критериев истины — это совсем не теоретический спор.

Кстати говоря, отношения между теориями Ньютона и Эйнштейна могут характеризоваться как противоречия в постулатах. Томас Кун («Структура научных революций») исходил из понимания этого противоречия исключительно как формально-логического, а потому всячески отрицал преемственность между двумя этими картинами мира, утверждая, что, принимая одну, мы с необходимостью должны отрицать другую!

Мы уже знаем, что в этом случае спор бессмысленен, а если противоречие диалектическое, то ненужен, ибо достаточно показать, что одна система является крайним случаем другой, захватившей и новые области. Но вот что очень важно — демонстрируя эту сводимость, мы фактически утверждаем то же самое, что можно утверждать о

соотношении многозначной и двузначной логик — т. е. что между ними нет противоречия в формальном смысле, просто одна система более богата средствами выражения, чем другая. Опуская предпосылку о конечности скорости света, из-за которой представление об одновременности является неоднозначным, мы вернемся к системе Ньютона с ее принципом мгновенного дальнего действия. Отсюда следует очень многозначительный вывод — диалектическое отрицание с его операцией «снятия» является аналогом формально-логическому отношению «включения», только первое применяется к диалектическим противоречиям, а второе — к системам более «богатым» и менее «богатым». Если учесть, что диалектическая логика является более «богатой» по отношению к логике формальной при рассмотрении диалектических противоречий, то в этом нет ничего удивительного. Поэтому метатеория взаимоотношений между старыми и новыми системами в диалектике оказывается основанной на классических принципах формальной логики, так же как и метатеория построения самих диалектических систем.

* * *

Существует и еще одна очень интересная философская проблема — это проблема возможности спора мировоззрений между разнопорядковыми системами. У таких систем имеется различный подход не только к познавательным проблемам истинности или ложности, но и к ценностным проблемам морали — и странно было бы ждать от них одинаковых ответов! Например, если диалектик может считать противоречие между добром и злом неустранимым и лишь исторически меняющимся, то метафизик ставит целью своей жизни борьбу за полное искоренение зла и переход к безраздельному царству добра. Получается естественный вывод — и в сфере этики продуктивным может быть только спор между однопорядковыми системами, ибо при различии подходов к проблеме истины нельзя оценивать одинаково даже общечеловеческие ценности. Здесь, правда, имеется некий третий подход — подход с точки зрения общезначимости, признающей какую-то высшую ценность вроде свободы или счастья всего человечества.

Тем не менее, в данном случае действует та же закономерность — если мы признаем противоречие между двумя системами морали формально-логическим, то спор невозможен ввиду различия критериев; если диалектическим — то ненужен сразу по двум причинам. Во-первых, хотя в диалектическом противоречии и присутствует формальное, но

в «снятом», неглавном виде, не дающем возможностей для его разрешения. Во-вторых, ввиду невозможности произвести операцию синтеза или включения, приводящую их к генетическому родству. Например, метафизическое понимание счастья как глубокого, полного и совершенного блаженства может включаться в диалектическое понимание при добавлении того условия, что подобное состояние нестабильно, зато постоянно воспроизводится и разрешается благодаря противоречию между желаниями и возможностями их удовлетворения.

Поэтому и в сфере морали спор решается практически, причем здесь решение этого спора особенно наглядно, стоит лишь попытаться применить те или иные принципы как сравнительные по общезначимости с «золотым правилом нравственности». Так, моральная система, построенная на принципе «цель оправдывает средства» опровергается безрадостным опытом человечества, неоднократно убеждавшего в том, что нельзя построить царство свободы трудом заключенных. Противостоящая ей система морали утверждает, что цели и средства взаимоопределяют друг друга, т. е. фиксирует это в виде диалектического противоречия: «цель оправдывает средства» и «цель оправдывается средствами».

Переходя к выводам, можно сказать и так — прежде, чем спорить, надо уяснить себе, на каком понимании противоречия настаивает ваш оппонент, после чего уже можно решать — какой именно тип противоречия существует между вашими концепциями и как его можно разрешить. Надо также хорошо понимать ограниченность критерия истины как логической непротиворечивости при наличии разнопорядковых систем и его универсальность как соответствие действительности. Но для того чтобы доказывать практическим путем истинность своей системы и ложность противоположной, надо получить какие-то весомые результаты на основании собственного метода. Именно этим лучше всего доказывается плодотворность любой системы и любого метода, а не утверждением бесплодности системы противоположной.

В заключение упомянем о такой неизбежной для любого спора составляющей, как эмоции. Когда они ослепляют «очи разума», тогда любой спор вырождается в тривиальность. Ну действительно, к чему может привести спор, если один из философов подобным образом характеризует другого: «Я скажу что так называемая философия этого Гегеля — колоссальная мистификация, которая еще у наших потомков будет служить неисчерпаемым

материалом для насмешек над нашим временем, что она — всякие умственные способности ослабляющая, всякое подлинное мышление заглушающая и на место его, с помощью беззаконнейшего злоупотребления словами, пустейшую, бессмысленнейшую, нелепейшую и потому, как нам показывают результаты, умопомрачительнейшую словесную чепуху поставляющая псевдофилософия, которая, имея своим ядром неведомо откуда взятую вздорную выдумку, не знает ни оснований, ни следствий, т. е. ничем не доказывается и сама ничего не доказывает и ничего не объясняет, и к тому же, лишённая оригинальности, является простой пародией на схоластический реализм и вместе на спинозизм...» [9, 11]. А что мог ответить Эразм Роттердамский Мартину Лютеру, так отозвавшись о его «Диатрибе»: «Твоя книжечка показалась мне столь ничтожной и малоценной, что я очень пожалел тебя за то, что ты испакостил всей этой грязью свою прекрасную и искусную речь; меня бы раздосадовал никчемнейший предмет, изложение которого требует столь изощренного красноречия, — будто мусор и навоз несешь ты в золотых сосудах» [3, 291].

Очень здравую и остроумную мысль высказал Бертран Рассел, говоривший, что предпочитает Сократа и Будду, снисходительно относившихся к инакомыслящим, Иисусу Христу, заявлявшему тем, кто «был не в восторге от его проповедей: «Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геену?»» [8, 106].

Необходимо всегда помнить о том, что подлинный спор — это спор не с личностями, а с идеями; и никакая идея не может быть опровергнута указанием на то, что человек, ее высказавший, отнюдь не является образцом для подражания. Поэтому оставим подобные уловки фанатикам и демагогам, а сами поговорим спокойно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. Наука логики // Сочинения. — Т. III, т. V. — М.—Л., 1938—1939.
2. Кун Т. Структура научных революций. — М. : Прогресс, 1976.
3. Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М. : Наука, 1987. — С. 291.
4. Марков А.А. О логике конструктивной математики // Вестник МГУ, серия: Математика, механика, 1970. — № 2. — С. 11.
5. Поварнин С.И. Искусство спора: о теории и практике спора. — Петроград, воспроизведено по второму изданию Культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки Знаний», 1923.
6. Поннер К. Логика и рост научного знания. — М. : Прогресс, 1983. — С. 592.
7. Поннер К. Что такое диалектика? // Вестник Философии. — 1995. — № 1. — С. 118—138.
8. Рассел Б. Почему я не христианин. — М. : Политиздат, 1987. — С. 106.
9. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. — М. : Типография Вильде. — 1910. — Т. IV. — С. 11.
10. Шопенгауэр А. Эристика, или искусство в спорах. — Спб., 1900.
11. Эмпирик С. Соч. — М. : Мысль, 1975. — Т. I. — С. 147.

Московский государственный университет путей сообщения
О.Г. Садикова, доцент кафедры философии и культурологии
vsadikova@gmail.com

Moscow State University of Railway Engineering
O.G. Sadikova, Associate Professor of chair of
Philosophy and Culturology
vsadikova@gmail.com